

нравственных исканий, чтобы помочь читателю познать самого себя, по мнению петрашевцев,— решающее начало какой бы то ни было критической деятельности.

Проблемность, широта охвата материала, самостоятельная интерпретация сложнейших вопросов истории

и теории литературы делают книгу Т. Усакиной значительным событием в изучении вклада петрашевцев в русское литературно-художественное сознание. Следует пожелать, чтобы отдельным изданием вышли в свет также и другие работы безвременно скончавшегося молодого ученого.

Г. ГАЛАГАН

г. Ленинград

НОВЫЕ УСПЕХИ ГЕРМАНИСТИКИ*

Большой коллектив советских германистов продолжает работу по созданию пятитомной «Истории немецкой литературы». В нынешнем году вышел в свет третий том этого издания.

Новая книга пятитомника охватывает развитие литературы одного из интереснейших периодов истории: 1790—1848 годы. Это время от Великой французской революции до европейских революций конца 40-х годов прошлого века, период от Гегеля до Маркса и Энгельса, от Гёте до Гейне. Центральными для большинства материалов тома, естественно, оказываются проблемы связи литературы с освободительным движением, ее участия в борьбе за единство Германии. Социально-историческая проблематика, исследуемая в этом труде, обладает определенным современным значением,— ведь и в условиях современной Германии звучат эти проблемы, решаемые в ГДР по-новому, с социалистических позиций.

Чрезвычайно важными для науки являются многие вопросы, рассматри-

ваемые в новой книге. Это и диалектика романтизма и реализма в немецкой литературе первой половины прошлого столетия, и дифференциация в среде писателей-романтиков, и процесс формирования и развития критического реализма, и первые проявления социалистической идеологии в творчестве некоторых немецких писателей.

План книги продуман серьезно и в основном воплощен удачно. В третьем томе, как и в предыдущих книгах, хорошо сочетаются обзорно-проблемные главы с главами монографическими, большинство которых посвящено художникам первостепенного значения: Гейне, Гёльдерлину, Бюхнеру, Клейсту, Гофману, Шамиссо, Веерту. Авторы статей стремились учесть богатый опыт своих предшественников, использовать труды немецких ученых прошлого и современности, сочинения классиков русской научной мысли от Белинского и Герцена до Луначарского, исследования советских германистов, созданные за сорок с лишним лет.

В книге есть авторы, которыми разработаны целые группы или цик-

* «История немецкой литературы», т. 3, «Наука», М. 1966, 586 стр.

лы тем. Среди них следует назвать Р. Самарина. Его перу в томе принадлежат статьи как обзорно-проблемные, так и монографические. Тут и большая работа «Великая Французская революция и немецкая литература» (написана в соавторстве с С. Тураевым), характеризующая германских якобинцев и вводящая в изучение проблем романтизма, и статья «Национально-освободительное движение 1807—1813 гг. и немецкая литература», посвященная патриотической поэзии, прозе и публицистике, и статья о проблемах литературы в сочинениях Маркса и Энгельса, сжато и точно излагающая эстетические взгляды основоположников научного коммунизма. Интересны и содержательны также и монографические главы, написанные Р. Самариним, — о Клейсте, Шамиссо, Эйхендорфе, драматургах «трагедии рока», Гауфе (в сотрудничестве с В. Неустроевым) и Алексисе.

В статьях Р. Самарина определены верные исходные позиции для анализа творчества писателей-романтиков, подчеркнуто, что произведения романтиков необходимо рассматривать в социальном аспекте, в противовес тенденциям современной буржуазной науки, которая стремится «абстрагировать романтические конфликты начала XIX века от социальной почвы, рассматривать их как вариант отчуждения художника от мира вообще» (стр. 19). В статье о Клейсте Р. Самарин ведет полемику со статьей Г. Лукача, посвященной этому писателю; его работа принципиально противопоставлена методологии Лукача, который отрывал Клейста-художника от Клейста-мыслителя.

Следует отметить высокий научный уровень статей, написанных

В. Неустроевым. Это главы, посвященные Форстеру, замечательному писателю, проникнувшему, по определению Герцена, в «тайну французской революции», Зейме и братьям Гримм.

Чрезвычайно интересны, богаты материалом и отмечены в ряде моментов новизной научных трактовок статьи Н. Балашова о Жане-Поле Рихтере и об иенских и гейдельбергских романтиках. Н. Верховский поместил в третьем томе «Истории» серьезные исследовательские работы о Граббе, Иммермане и Бюхнере. М. Тронская глубоко проанализировала творчество Берне и писателей «Молодой Германии», уделив значительное внимание проблемам стиля Берне и Гуцкова. С. Тураев посвятил свои статьи Вильгельму Мюллеру, мастеру песенного жанра, литературе эпохи революции 1848—1849 годов, писателям немецкой революции Гервегу, Грассбрэннеру, Фрейлиграту и Веерту.

Н. Берковский написал яркую статью о Гёльдерлине, проникнутую остро современным видением этого замечательного писателя, перекликающуюся с точкой зрения Иоганнеса Бехера на наследие Гёльдерлина. А. Дмитриев в двух статьях, посвященных Гейне, четко охарактеризовал эволюцию этого великого поэта, связь его творчества с эстетическими воззрениями, проявившимися в поэзии, прозе и публицистике. В статье И. Миримского о Гофмане, представляющей публикацию, к сожалению посмертную, дана объективная характеристика писателя, снимающая неверные наслоения, окутывавшие одно время образ Гофмана в литературоведческих работах, появлявшихся между серединой 40-х и серединой 50-х годов. Очень правильно поступила редакция тома, поместив содер-

жательную статью об эстетических воззрениях Гегеля, написанную фило-софом М. Овсянниковым.

Следует отметить и мастерство, с которым написаны некоторые небольшие статьи. Это этюд Р. Френкель о Мёрике, очерк С. Гиждеу о жизни и творчестве Платена, статья У. Пюшель о Беттине фон Арним, П. Тонберга о Фаллерслебене, Пруце и Дингельштедте. Последняя из названных статей была написана в конце 30-х годов, автор ее погиб на фронте Великой Отечественной войны, а его работа вполне выдержала испытание временем.

Таково вкратце содержание третьего тома «Истории немецкой литературы». Книга получилась интересная, солидная, основанная на хороших научных традициях и проникнутая стремлением к новаторству.

Вместе с тем, как всякая большая и серьезная работа, она не лишена и некоторых недостатков, обходить которые не следует в интересах науки и читателя. Перехожу поэтому к отдельным — более или менее существенным — критическим замечаниям.

Прежде всего: редакция тома не избежала при его составлении ряда пропусков. Мне представляется, что следовало запланировать специальную статью о литературе так называемого «истинного социализма». В томе время от времени заходит разговор о поэтах и прозаиках «истинного социализма», но четкой характеристики их творчества не дается. На мой взгляд, необходимо было посвятить специальную главку и рассмотрению творчества такой крупной писательницы, как Аннета Дросте-Гюльсгоф. То, что Дросте в книге уделено всего несколько строк (в сноске на стр. 330), производит впечатление совершенного недоразуме-

ния. Несколько раз говорится мельком о Фарнгагене фон Энзе, помещен изображающий его рисунок Дица, но литературный портрет этого видного деятеля культуры и активного пропагандиста русского искусства почему-то отсутствует. Николаус Беккер упоминается в сноске (стр. 413) и раза два попутно, но всегда в качестве автора так называемого «Рейнского гимна», критикованного Энгельсом, в остальном поэзия его осталась нерассмотренной. Явно недостаточно внимания уделено Эрнсту Дронке, между тем этот революционный писатель и публицист представлял фигуру весьма интересную (С. Тураев мог остановиться на его творчестве в своей обзорной статье подробнее, а главное, рассмотреть его произведения, написанные после отхода от «истинного социализма»). Совершенно недостаточно, как мне кажется, только негативных упоминаний о Фридрихе Яне и Морице Сафире.

При создании «Истории немецкой литературы» трудно обойтись без «заходов» в область истории австрийской литературы и без учета некоторых писателей, творивших на немецком языке в Чехии. В третьем томе вполне обоснованно упомянуты Франц Грильпарцер и Николаус Ленау. Но позабыт такой характерный для своего времени писатель, как Анастасиус Грюн; в сущности, не оцененным остался Мориц Гартман (о котором бегло сказано — в негативном плане — на стр. 507), очень показательный для 40-х годов поэт и прозаик. Карл Бек также заслуживает более подробной характеристики. Все эти писатели входили в сознание немецких читателей, оценивались немецкой критикой, творчеством своим участвовали в немецкой общественной жизни.

В некоторых главах третьего тома есть отдельные положения, представляющиеся мне спорными или неверными.

Н. Балашов справедливо отмечает, что романтическая эстетика Фридриха Шлегеля включала в себя некоторые элементы реализма. Но ссылается он при этом на пример, который мало убеждает. «Недаром,— замечает исследователь,— Фр. Шлегель конспективно, несколькими буквами обозначая поэтический идеал, писал: «FSM» (das Fantastische, das Sentimentale, das Mimische), то есть включал в понятие идеала, наряду с фантастическим и сентиментальным началом, момент воспроизведения действительности» (стр. 113). Пример этот трудно признать убедительным, ибо мимическое начало отнюдь не тождественно началу реалистическому. В другой статье того же автора, в целом чрезвычайно интересной, все же явно недостаточно охарактеризованы выдающиеся заслуги Августа-Вильгельма Шлегеля как переводчика Шекспира, который благодаря замечательному переводу Шлегеля стал как бы «немецким писателем». В работах Н. Балашова чувствуется порой недостаточное внимание к анализу поэзии (как, например, в статье о Новалисе), и об этом сожалешь, прежде всего потому, что именно этот автор обладает умением превосходно анализировать стихи (это так отчетливо выступает в его разборе поэзии Brentano).

В статье И. Миримского о Гофмане удачно сняты наметившиеся было в томе противоречия в оценке писателя. На стр. 23 Гофман определяется как реалист, на стр. 149— как прогрессивный романтик. Но вот читатель доходит до работы И. Миримского, и все становится ясным: выясняется синтез романти-

ческого и реалистического у Гофмана. И все же следует отметить одну небольшую, но требующую исправления ошибку, вкравшуюся в эту статью, вероятно, по недосмотру редакции. На стр. 221 цитируется в качестве предисловия к «Крошке Цахесу» предисловие к «Принцессе Брамбилле».

Отдельные критические замечания вызывают и статьи Н. Верховского. Упрощенной выглядит его характеристика Ф.-Т. Фишера (стр. 299). Вряд ли можно согласиться с тем выводом, к которому приходит Н. Верховский в статье о Граббе, достоинства которой неоспоримы. «Граббе,— говорится в конце статьи,— был силен скорее потенциями своего самобытного и большого таланта, чем реальным осуществлением своих возможностей» (стр. 291). Не только само творчество Граббе, но и анализ его произведений в статье Н. Верховского опровергает этот вывод. Статья о Бюхнере написана с превосходным знанием предмета. Правда, в ней следовало бы при анализе «Смерти Дантона» больше сказать о шекспиризации у Бюхнера. Автор прав, когда он говорит, что к наследию Бюхнера проявили внимание натуралисты и экспрессионисты. Но он забывает рассказать о главном — о том, что драматургия Бюхнера оказывала и оказывает влияние на реалистов, что ее любил Алексей Толстой, что Бертольт Брехт видел в Бюхнере одного из своих учителей и предшественников.

Некоторые возражения возникают при чтении работ С. Тураева, серьезного знатока немецкой литературы. В одной из этих статей напрасно говорится о Фридрихе Геббеле как о писателе, лучшие произведения которого якобы «почти не связаны с общественными проблемами» (стр. 408).

Думаю, что в четвертом томе «Истории», где Геббелю, конечно, будет посвящена специальная глава, это утверждение не будет поддержано. Статья С. Тураева о Гервеге безусловно интересна и оригинальна. Вероятно, не все согласятся с некоторой переоценкой творчества позднего Гервега С. Тураевым, но самый разбор произведений поэта, созданных после 40-х годов, необходимо признать заслугой исследователя. Думаю, однако, что С. Тураев несколько искусственно сближает Гервега с поэтами «Новой Рейнской газеты» и напрасно пытается отнести (хотя и «в известной мере») слова Ленина о духовной драме Герцена к Гервегу (стр. 447).

В статье того же автора о Фрейлиграте встречаются неточности. Конечно, искать — по рекомендации С. Тураева — «полную библиографию русских переводов немецкого поэта» в книге Яна Эйдука, вышедшей в 1936 году, нельзя. (После того многие русские поэты публиковали переводы из Фрейлиграта, в частности в его однотомнике, вышедшем в 1956 году и хорошо известном С. Тураеву.) Вероятно, цитаты из писем Фрейлиграта к Марксу, свидетельствовавших об отходе поэта от партии, не следовало оставлять без цитат из ответных писем Маркса. Да и творчество позднего Фрейлиграта следовало прокомментировать, обращаясь к отзывам Маркса и Энгельса.

Статья о Веерте написана С. Тураевым после создания специальной монографии о поэте, — это труд специалиста, знатока творчества Георга Веерта — друга и сподвижника Маркса и Энгельса. Однако не могу согласиться, когда читаю у С. Тураева, что Веерт осваивал некую общую романтическую традицию (стр. 542). Ведь в третьем томе уже достаточно

определенно показано, что единой романтической традиции в Германии не существовало. Трудно мне согласиться и с попытками автора связать некоторые стихи Веерта 1844—1845 годов с «общим тоном» сентиментальной лирики «истинных социалистов» (стр. 544). Мне представляется, что не следует забывать о словах Энгельса, который в статье «Истинные социалисты» четко отмежевал Веерта от поэтов «истинного социализма». Нельзя, думается, расчленять единый цикл «Ланкаширские песни» на стихи, написанные под влиянием «истинного социализма», и на стихи подлинно революционные, — цикл этот един. В нем сознательно сочетаются картины социального обличения (без характерных для «истинных социалистов» филантропических «выводов») и мотивы революционного протеста.

Третий том «Истории немецкой литературы» довольно тщательно выверен, в нем редко встретишь стилистические или иные неточности. (Почему-то на стр. 207 Иозеф Гёррес назван Иоганном, но это очевидная описка.)

Несколько слов о библиографическом аппарате. Выше уже отмечалось, как достойная похвалы, тенденция учитывать работы предшественников. К сожалению, эта тенденция не всегда проведена достаточно последовательно. Читая книгу, я не нашел ссылок на работы Вальтера Хариха и М. Тронской о Жане-Поле, на работы югославского ученого Милана Моряшевича и К. Протасовой о Гёльдерлине, на двухтомник М. Азадовского «История русской фольклористики», где так много интересных экскурсов в фольклоризм братьев Гримм и немецких писателей-романтиков, на весьма ценные статьи А. Дживелегова о Бюхнере, А. Дейча о Клейсте, М. Тронской о Гуцкове и

некоторые другие работы. А жаль! Традиции надо беречь.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть большое положительное

значение работы, проделанной коллективом эрудированных и талантливых ученых-германистов.

Ал. ДЫМШИЦ

СВОЕОБРАЗИЕ МЕТОДА*

Во второй половине 1965 года было издано три книги о Б. Шоу — А. Ромм, З. Гражданской, А. Образцовой. Разные по жанру, все три работы взаимно дополняют друг друга¹. Книга А. Образцовой — наиболее специальное исследование драматургического метода Шоу.

А. Образцова видит главную свою цель в «рассмотрении драматургического метода Шоу в аспекте нескольких проблем». Эта задача обусловила и построение книги, которая состоит из введения, четырех глав («Драматический конфликт», «Характеры», «Парадокс», «Природа жанра») и заключения. Из перечня глав видно, что выделены, действительно, главные проблемы драматургического метода, тесно связанные между собой.

Уже решая первую проблему, исследовательница вынуждена была осветить и характер недраматических «пристроек» в драмах Шоу (предисловия, ремарки, послесловия), и особенности создания образов у Шоу, и многое другое, без чего нельзя было выяснить специфику драматического конфликта в произведениях Шоу. А. Образцова совершенно правильно

рассматривает «пристройки» как часть «единого целого, важную часть драматургического метода писателя». Вот почему и предисловия, по мысли автора, — «это продолжение диспутов, которые начаты в пьесах».

В построении конфликта своих драм Шоу отличается не только от предшественников, но и от современников: Ибсена, Гауптмана, Чехова, Горького, Толстого, Стриндберга и др. И связано это отличие с иным пониманием характера героя. «Герои большинства драм на Западе, объединяемых понятием «новой драмы», — утверждает А. Образцова, — были людьми одинокими, мечущимися, страждущими, отравленными ядом бессилия, способными или умереть, или уродовать до конца жизнь самим себе и своим близким». Герои Шоу совсем не похожи на них, они чаще всего знают, чего добиваются в жизни. Это своеобразное понимание Бернардом Шоу человека и его взаимоотношений с обществом, понимание, в котором обнаруживаются и традиции Шекспира, и влияние Вагнера, и фабианский социализм. «Столкновение личности с обществом не стало драматическим нервом ранних пьес Шоу, — заключает автор. — Еще в большей степени это подтверждают драмы позднего времени».

В чем же состоит сущность драматического конфликта у Шоу, с точки зрения А. Образцовой? «Дискус-

* А. Образцова, Драматургический метод Бернарда Шоу, «Наука», М. 1965, 314 стр.

¹ Рецензия на книгу А. Ромм опубликована в «Вопросах литературы», 1966, № 2; на книгу З. Гражданской — 1966, № 10.